

94(4)"1000/1400"

ОБРАЗ ПИРА В РЫЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*В. Н. Бурганова, В. В. Кос*

Такие понятия, как «пир», «пиршество», «трапеза», «застолье» фигурируют в литературе разных народов. Пир как историческое явление и его фиксация в произведениях разных эпох даёт возможность определить в нём ведущие составляющие, т. е. то, что на том, или ином этапе выходило на первый план.

Средневековье, будучи эпохой многогранной, вместившее в себя, казалось бы, несочетаемое (святость и греховность, культ Прекрасной Дамы и грубость нравов и др.), «породило» пир, который ассоциируется прежде всего с рыцарством и описаниями которого изобилует литература этого периода. Это относится как к произведениям рыцарской эпической литературы, так и рыцарского куртуазного романа, становление которого начинается к XII веку.

В раннее Средневековье, как и до этого, когда система личных связей была во многом определяющей, необходимость поддержания собственного статуса и авторитета посредством публичной демонстрации богатства и щедрости (раздача подарков приближённым, награды отличившимся) вызвала практику застолий и пиров, имеющих огромную социальную значимость. В этом смысле пир был не частным развлечением, а особой формой межличностного общения, актом социальной коммуникации и составляющим элементом системы управления [1, с. 119]. Пиршества устраивались по разным значимым поводам как то посвящение в рыцари, свадьба, религиозные праздники, охота и др.

На Троицу блистала знать.

Сначала в зале пировали [2, с. 162].

Рыцарский пир – не столько трапеза и приятное времяпрепровождение, сколько социально-политический институт, посредством которого регулировались многие сферы общественных отношений: на пиру часто решались государственные вопросы, многочисленные подтверждения чего встречаются в литературных памятниках. Так, например, из «Песни о Нибелунгах» можно узнать, что король Гунтер, одержав победу над саксами и датчанами, устраивает по этому поводу грандиозный пир, после которого он заключает мир со своими бывшими противниками:

Ему в ответ датчане: спасибо вам за пир,

Но мы хотим, чтоб с нами вы заключили мир [3, с. 394].

Другой пример можно привести из «Песни о Сиде», когда после двух дней пиршества король созвал совет, на котором было принято решение выдать дочерей Сиды за инфантов Каррьона [4, с. 317].

Общее хмельное настроение способствовало укреплению дружеских связей, разрешению конфликтов и делало принятие управленческих решений менее тягостным занятием. К тому же, во время совместной трапезы давались обеты и клятвы, а в свидетели призывались присутствующие на пиру.

Тем самым воины поднимали свой престиж в глазах окружающих [5, с. 144]. Один из таких примеров можно найти в «Беовульфе», когда главный герой обещает за пиршественным столом, что он либо избавит замок Хродгара от бедствий, чинимых чудовищем Гренделем, или погибнет в битве с ним [6, с. 59]. И несмотря на то, что все происходило под влиянием хмеля, любой дававший клятву нес ответственность за каждое слово.

Коллективная трапеза играла важную роль не только в укреплении существующих связей, но и в создании новых, например в процессе интеграции индивида в группу. Участие новичка в застолье составляло важную часть ритуала интеграции и означало, что он принял правила поведения и основополагающие ценности группы [5, с. 302]. Хозяин празднеств, будь то король или крупный сеньор, старался показать свое могущество и богатство, удивляя обилием пищи и одаривая всех присутствующих не только своей заботой и вниманием, но и ценными подарками [3, с. 389]. Пир был одной из возможностей продемонстрировать и прославить свою власть, создать такой ее образ, который обеспечивал бы покорность подданных, а также уважение друзей и врагов. И в этом смысле пир выполнял репрезентативную функцию.

Пир и отражение его образа в средневековой литературе, с одной стороны, трансформировались вместе с изменением института рыцарства, а с другой – это было следствием изменения уровня развития экономики, торговли и в целом условий жизни.

Так, пиршества периода формирования рыцарства являлись прямым продолжением тех трапез германцев, устраиваемых дружинными вождями для своей дружины, о которых писали еще античные авторы. Рыцарские пиры практически не отличались от предшествующей эпохи ни нравами, ни функциями, главная из которых была социально-политическая, ни значением. Готовили те же самые блюда, что и для повседневной трапезы, но в больших количествах. Может быть, поэтому в описании пира упоминание о еде сводятся главным образом к подчеркиванию обилия снеди и богатству стола:

Как говорят сказанья, ломились от еды

Столов, накрытых пышно, бессчетные ряды [3, с. 427].

При этом перечень напитков представлен достаточно полно, а именно – пивом, вином и, конечно, медовыми напитками [6, с. 52].

Здесь пир, в том числе возможность наесться досыта (своего рода обжорство), причем самого грубого свойства, о чем может свидетельствовать то, что доблестные воины ели руками, бросая объедки собакам, свободно бродившим среди лавок; руки вытирали об одежду или волосы [8, с. 327]. Женщин на пиру не было, за исключением королевских особ [6, с. 59], которые собственноручно, «по

древнему чину» [6, с. 58], в знак почести, «ухаживали» за именитыми гостями.

Золотая и серебряная посуда была дорогой и ее было немного, а есть из глиняной или деревянной было недостойно знатного человека. Поэтому было принято пускать кубки по кругу: «Обходили стол чаши с брагою» [6, с. 122]. Персональным мог быть кубок, но, согласно традиции и правилам приличия, требовалось протянуть сотрапезнику бокал не тем краем, с которого только что отпил сам.

Как правило, положение гостей в трапезной строго регламентировалось. Наиболее знатные, храбрые и сильные вассалы или гости располагались ближе к хозяину пиршества. Кроме того, родственников старались посадить поближе друг с другом: «И воссели там родич с родичем, вождь с героем» [6, с. 122] «Всем приглашенным Гунтер, готовясь к тожеству, отвел места по сану, рождению, старшинству» [3, с. 389]. К тому же, регламентировалось и распределение пищи в соответствии с социальной и профессиональной принадлежностью [9, с. 102]. Занимаемое участником пира место и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации [7, с. 306]. Хозяин пиршества восседал на самом видном месте, обычно его стол и кресло находились в центре зала на помосте и возвышались над остальными (так называемый высокий стол):

Красавица Кримхильда направилась за ним
На середину зала, где за столом большим
Сидел король с Брюнхильдой, супругою своей,
Среди толпы наехавших из разных стран гостей
[3, с. 428].

Но, несмотря на регламентацию мест и пищи, рыцарский пир – это не столько иерархизированный «институт», сколько корпоративный. Бль шая часть собравшихся были равны по своему положению, да и сама атмосфера таких трапез, способствующая сближению пирующих, подчеркивала, прежде всего, что все они относятся к одному сословию. К тому же, долгое время только рыцарская корпорация могла позволить устраивать пиры, что являлось ее гордостью и привилегией.

Во время празднеств, которые могли длиться неделями, проводились турниры, «в искусстве состязались бродячие певцы» и музыканты и т. д. [3, с. 363]. Причем потешные бои устраивались не сколько раз за день, обычно утром и вечером, т. е. в то время, когда солнце не было таким беспощадным [3, с. 450]. Остается еще сюда добавить соревнования в роскоши, транжирстве и моде, которые были не менее зрелищны, чем все остальные:

Повсюду так сверкали и восхищали взгляд
То щит с отделкой пышной, то дорогой наряд,
То золотую нитью расшитое седло [3, с. 389].

Если в героическом рыцарском эпосе основные сюжетные линии относятся к раннему Средневековью и тема героики – главная, то в куртуазном романе пропагандируются высокие рыцарские идеалы, один из которых был связан в культуре с культом Прекрасной Дамы, т. е. возвышенной любви смиренного рыцаря к высокородной замужней женщине, госпоже. Суть ее состояла в бескорыст-

ном обете служения, который рыцарь приносил своей возлюбленной. Все это придавало исключительное значение любви как чувству, возвышающему человека, пробуждающему в нем все лучшее, вдохновляющему на подвиги. Куртуазная культура привнесла изменения и в картину пира, сделав присутствие на нем дам обязательным. Считается, что это положительно сказалось на застольных нравах (мытью рук, более изысканные манеры и т. п.):

Чтоб вымыть руки, подают
И ценный золотой сосуд,
И полотенце в зал приносят [10, с. 196].

Пир, не утратив своей социально-политической значимости, со временем начинает приобретать все более развлекательный и зрелищный характер, в том числе за счет присутствия дам, что еще больше привнесло разнообразия в повседневность и монотонность жизни. Изменения проявились и в том, что на пир стали готовить не только традиционные кушанья, главными из которых были блюда из мяса, сколько подавались изысканные блюда, такие, как дичь (например, тушки орешниковых сонь, аистов, орлов, медведей, бобровые хвосты):

За праздничным столом сполна
Дичины, хлеба и вина,
И чтобы кто не пожелал –
Тотчас же щедро получал [12, с. 66].

Наряду с мясом подавались деликатесы, пряности, привезённые с Востока, лучшего качества и более дорогие вина, диковинные кушанья, приготовленные поварами:

Любым горячим или холодным блюдом,
Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью -
Предела нет его величью [10, с. 196].

Количество, разнообразие и изысканность блюд имели решающее значение, т. к. многочисленные перемены блюд предназначались прежде всего не для удовлетворения голода, а для демонстрации богатства. Как заметил немецкий исследователь Рональд Ветер: «Кого мог оставить равнодушным вид такого блюда, как павлин, «извергающий» пламя? И жареные медвежьи лапы красовались на столе определено не для того, чтобы восславить охотничьи способности хозяина дома, принадлежащего к высшим кругам общества. Все это предназначалось в основном для зрительного восприятия». Созвучны с этим приводимые Мишелем Пастуро слова средневекового автора: «Слуги устроили стол и приготовили его для трапезы. Вымыв руки, трое сотрапезников, не медля, сели. Вам было бы скучно, если бы я стал перечислять мясные блюда, которые им подавались, Лучше, если я умолчу об этом. Мои слушатели будут освобождены от лишнего груза, а я – от бесполезного труда. Однако я не солгу, если скажу вам, что они ели мясо превосходного качества и пили прекрасные вина, сколько хотели» [11, с. 95 – 96]. С определенностью можно говорить, что разнообразные блюда из мяса были одним из признаков демонстрируемой роскоши. Именно роскошь стола была одним из важнейших элементов роскоши как таковой, признаками которой также

служили дорогие вина, фрукты, подаваемые дамам на десерт, столовое серебро, дорогие графины, вилки, золотая посуда, и стеклянная, которая была редким явлением, кувшины для воды, салфетки и свисающие до пола скатерти:

Возникли чаши, кубки, блюда,
Драгоценная посуда,
И радовали взоры
Из серебра приборы [12, с. 194].
или:

Добавим, что в руках у них -
Сто белых скатертей льняных [12, с. 196].

Пиршество на протяжении всего Средневековья обычно сопровождалось музыкой и героическими песнями, имеющими познавательный и назидательный оттенок:

Сливались музыка
И голос в песне...
Тронул струны
Сказитель Хродгаров [6, с. 79].

В рыцарском романе можно встретить и упоминания о музыкальных инструментах. Так, у Кретъена де Труа встречается практически перечень всех инструментов того времени:

Те принесли с собою ноты,
Те - арфы, дудочки и роты,
Тут звуки скрипки и виолы,
Там флейты голосок весёлый...
Волынки, барабаны, бубны,
Порой могучий голос трубный,
А то свирель поёт опять [12, с. 66].

Еще больше пиры «облагораживаются» в XIV в., когда законодателем моды не только в одежде, но и в манерах, образе жизни становится бургундский двор, слава о роскоши которого распространилась по всей Европе. Этот стиль с очевидностью являл собой показную изысканность и утонченность, а также то, что одним из главных мотивов поведения человека было не столько его богатство как таковое, сколько возможность его продемонстрировать, т. е. «жить напоказ». В отношении пиров это проявилось в том, что они часто сопутствуют турнирам, которые к этому времени в значительной степени аристократизируются, на них устраиваются литературные и музыкальные состязания, демонстрируют роскошь застолья, что выражается в изобилии, недоступном простым людям. В этом смысле пир представлял собой театрализованное действие, значимое событие не только для приглашенных, но и для простого люда, который приходил посмотреть на увеселения, ну и, конечно, питал надежду, что рыцарская щедрость не обойдет его стороной.

В средневековом обществе, при неизменности социальной значимости пира, эволюция его очевидна, что достаточно хорошо просматривается в литературных памятниках, даже с учетом к гиперболизации средневековых авторов. Эта эволюция идет в сторону современного его значения в том смысле, что под пиром принято понимать богатую и торжественную еду с приглашением многих гостей [13, с. 194]. Пир все более давал возможность демонстрировать социальную состоятельность его устраивателей, поскольку в нем соединялось то, что, по словам

Ле Гоффа, было проявлением социальной дифференциации [13, с. 335], а именно: дом (*замок, дворец*), пища (количества и качество) и костюм (*доспех, оружие*).

Пиршества Средневековья, которые обычно ассоциируются с дружинниками, рыцарством и придворной жизнью, к концу периода, во многом утратив узкословный характер, становятся «достоянием» более широких кругов, поскольку совместные трапезы в рамках различных корпораций, приуроченные к значимым праздникам и событиям, стали типичным явлением. В изменившихся условиях застольная роскошь, наряду с одеждой, выражала этику власти и репрезентации, объединяя тем самым аристократию и горожан.

Литература

1. Харитонович, Д. Е. Ремесло, цехи и миф / Д. Е. Харитонович // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М.: Наука, 1999. – Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – С. 118 – 124.
2. Кретъен де Труа. Ивейн, или Рыцарь со львом / Кретъен де Труа // Хрестоматия по литературе Средневековья. Т. – 2. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 162 – 185.
3. Песнь о Нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 358 – 628.
4. Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. – М.: Художественная литература, 1975. – 656 с.
5. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М.: Прогресс, 1987. – 380 с.
6. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 27 – 180.
7. Тушина, Е. А. Общение за столом: сотрапезничество и застолье в течение веков. Руан, 1992 г. / Е. А. Тушина // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. – М.: Наука, 1999. – С. 301 – 310.
8. Поръяз, А. Мировая художественная культура. Средневековье / А. Поръяз. – М.: Олма-пресс, 2001. – 479 с.
9. Попенсков, А. С. К образу пира в средневековой ирландской литературе / А. С. Попенсков // Одиссей. Человек в истории. 1999. Трапеза. – М.: Наука, 1999. – С. 100 – 108.
10. Эшенбах В. фон. Парцифаль // Хрестоматия по литературе Средневековья. Т. 2. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 186 – 203.
11. Пастуро, М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / М. Пастуро. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 239 с.
12. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес / Кретъем де Труа. – М.: Наука, 1980. – 511 с.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
14. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 1992. – 376 с.